

Н.Н. Наумов

СИГИЗМУНД ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ И ИМПЕРСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ГУСИТСКИХ ВОЙН: ФРИДРИХ IV ВЕТТИН, МАРКГРАФ МЕЙСЕНСКИЙ

Рассмотрено взаимодействие германского короля Сигизмунда и Фридриха IV Веттина, маркграфа мейсенского, на первом этапе гуситского кризиса (1420–1422 гг.). Необходимость поиска новых средств для борьбы с гуситами вынудила короля привлечь своего вассала к длительной военной службе не на ленных, а на наёмных началах. В качестве платы «князю-кондотьеру» были заложены замки на границе с его доменом, что способствовало процессу территориального оформления княжеской власти и присвоения ею королевских прав и имущества на местах.

Ключевые слова: Сигизмунд Люксембургский; Священная Римская империя; Гуситские войны; королевская и княжеская власть; феодальная и наёмная служба.

Может ли внешний вызов способствовать консолидации политической элиты и модернизации социально-политических отношений в том или ином государстве? Этот общий вопрос можно поставить применительно к истории разных эпох. Предметом моего исследования являются взаимоотношения между Сигизмундом Люксембургским (1368–1437), королём венгерским и чешским, германским королём и императором с аристократией его земель в период Гуситских войн. Известно, что в 1420-х гг. многие чешские подданные взбунтовались против своего короля, который пожелал искоренить гуситскую ересь, распространившуюся в чешских землях. Как этот конфликт повлиял на взаимоотношения между королём и аристократией восточных земель Священной Римской империи (далее – Империя), непосредственно примыкавших к гуситской Чехии? На какой основе строилось взаимодействие королевской и княжеской власти? В настоящей статье эти вопросы будут рассмотрены на конкретном примере путём анализа королевских и княжеских грамот – писем и пожалований, в том числе неопубликованных, хранящихся в архивах Лейпцига и Вены¹. В качестве хронологических рамок работы выбран период первых двух неудачных походов против гуситов (1420–1422 гг.) – время, когда король стал осознавать необходимость модернизации имперских институтов.

Имперское собрание во Вратиславе. Открыто о своём намерении искоренить гуситскую ересь Сигизмунд заявил в январе 1420 г., созвав вассалов Империи во Вратиславе (нем. *Breslau*, пол. *Wrocław*). Следует заметить, что этому событию посвящена более чем скромная историография [1; 2. S. 97–123; 3. S. 23–30]. Особого внимания заслуживает анализ вратиславского рейхстага Сабиной Веферс, которая видит в нём «успех «консервативной» стратегии поведения» Сигизмунда. «Консервативность» действий короля, с точки зрения Веферс, проявилась в том, что он выступил в роли «оплота христианства», поддержав Немецкий Орден в споре с собственным союзником, польским королём Владиславом (Ягайло), некогда язычником. Это было сделано с целью мобилизации имперской элиты, в том

числе прежде недружественных королю рейнских курфюрстов, поддерживавших Орден, против еретиков-гуситов [4. S. 75–81]. Эта трактовка, в целом, представляется убедительной, но повёл ли Сигизмунд себя столь же «консервативно» во взаимодействии с восточными князьями Империи, в частности Фридрихом IV Веттином, маркграфом мейсенским?

В начале следует отметить, что на взаимоотношения Веттинов с Люксембургами непосредственно влияла «географическая близость» их владений к королевскому домену – Чешскому королевству. Этот фактор делал чешских королей и маркграфов мейсенских соперниками, стремившимися присоединить к своим наследным землям соседние имперские лены. Спорной территорией был Фогтланд (лат. *terra advocatorum*), часть которого Карл IV переподчинил чешской короне, в том числе бургграфство Дона; впоследствии, в 1402 г., Веттины захватили последнее у Карла Вацлава, воспользовавшись мятежом имперских курфюрстов и чешских панов против него [5. S. 46–50; 6. S. 55–56]. Это обстоятельство сыграет важную роль в последующем развитии событий.

Тем не менее подобное соседство заключало в себе и потенциал сотрудничества. Ведь король, по донесениям послов из Страсбурга от 21 января 1420 г., «собирался направиться из Вратислава в Прагу и наказать гуситов за их неверие» [7. S. 408]; поэтому владения Веттинов, непосредственно прилегавшие к Чешскому королевству, выступали бы в качестве естественного плацдарма против мятежников. В свою очередь, и маркграф Фридрих IV имел свой интерес, реализация которого зависела от воли Сигизмунда. С 1410 г. он находился в конфликте со своим братом Вильгельмом II по поводу раздела наследных владений их дяди Вильгельма I – одной трети Мейсенской марки [6. S. 32–33]. Этот спор мог быть легко разрешён в пользу того или иного брата королём, имеющим право подтверждения и закрепления владений. И хотя договор о разделе запрещал братьям «вступать в союзы с кем-либо без ведома и совета друг друга» [8. S. 161–162], оба брата – сначала Фридрих, потом и Виль-

гельм – по отдельности прибыли во Вратислав и попытались заручиться благосклонностью Сигизмунда.

Однако тот не пошёл им навстречу. Как упоминалось выше, в 1402 г. Веттины вторглись во владения его брата, чешского короля Вацлава, захватив бургграфство Дона. Поэтому, согласно донесению посла из Страсбурга, «союз не состоялся, так как богемские советники полагали, что король должен был бы вернуть себе все те земли, которые тот самый маркграф в своё время отвоевал у королевства Богемия; так же полагал и сам король, и потому маркграф мейсенский уехал оттуда безрезультатно» [7. S. 411]. Вероятно, Сигизмунд стремился сохранить диалог с верным ему чешским панством, а признание отторжения замков и территорий от Чехии определённо вызвало бы возмущение в этой среде. Приближённые к нему католические паны заботились не только об утверждении его власти в королевстве (в надежде на его благодарность), но и о том, чтобы имущества чешской короны жаловались исключительно чешской шляхте. Данный пример даёт основание не согласиться с вышеизложенной трактовкой С. Веферс: выступив в роли «оплота христианства» и открыто призвав к борьбе с ересью, король на самом деле не отошёл сразу и бесповоротно от прежде намеченного им курса – поиска компромисса с чешской шляхтой. Этому поспособствовал лишь последовавший летом 1420 г. открытый конфликт.

Первый поход против гуситов. Отказ Сигизмунда подтвердить маркграфам мейсенским их владения соответствовал требованию чешских панов, а именно: «чтобы иностранные лица не были допущены до кормлений, титулов или земских податей» в Чешском королевстве [9. S. 206–208]. Тем не менее иные события вратиславского рейхстага подталкивали чешскую элиту, а особенно гуситскую её часть, к мысли, что на самом деле король выбрал гораздо более жёсткую линию поведения и желает направиться в королевство с крестоносным войском. 1 марта 1420 г. папа Мартин V издал буллу о борьбе с ересью (*Omnium plasmatoris domini*), где подобные намерения были недвусмысленно высказаны [10. S. 17–18]. Перед всяким отдельным паном – католиком или же гуситом – встал вопрос, чью сторону взять: короля, который, вероятно, уже не будет столь уступчив, если вторгнется в Чехию во главе крестоносной армии, или же бунтующего пражского отребья, чтобы в союзе с тем отстоять свои панские свободы и притязания? Некоторые паны, как, например, Чекнек з Вартенберка, уже в апреле призвали к неподчинению королю. Роберт Новотный полагает, что подобное поведение было характерно для большей части чешской шляхты, действовавшей вне зависимости от своих религиозных убеждений [11. S. 145].

В этой ситуации маркграфы мейсенские получили новый шанс сблизиться с королём и добиться пожалования и подтверждения их владений как законно унаследованных в Империи (Мейсенская марка, ландграфство Тюрингия и др.), так и бургграфства Дона, захва-

ченного ими в Чешском королевстве в правление Вацлава. Вильгельм, брат Фридриха, столь же безрезультатно попытавшийся убедить короля на рейхстаге во Вратиславе, получил письмо от Сигизмунда (май 1420 г.). Король попросил его – «высокороджденного господина, брата и князя» – присоединиться с войском к походу на Кутную гору, добавив в конце: «...этим ты окажешь нам особенно любезную и приятную службу» [12. Fol. 206rv]. Эта формула была призвана убедить маркграфа в готовности короля к продолжению диалога, прерванного в феврале.

Братья Фридрих и Вильгельм не преминули воспользоваться этой возможностью и прибыли к королю, «сопровождаемые огромной свитой из рыцарства и знати» [13. S. 157]. Вероятно, это был наиболее заметный контингент в войске Сигизмунда; ведь и чешский хронист Бартошек з Драгониц, и королевский биограф Эберхард Виндеке, и сам король упоминают их в первую очередь, в то время как в поход отправились и более знатные и приближенные: Альбрехт Габсбург, герцог австрийский и зять короля, Альбрехт Виттенберг, курфюрст саксонский, Иоганн Виттельсбах, герцог баварский [14. S. 591; 15. S. 111]. Там же Сигизмунд торжественно наделил присутствовавших Веттинов всеми их ленами: «княжествами, землями и людьми, без всякого исключения» [16. Fol. 90v–91r]. Означает ли это, что маркграфам были пожалованы и их спорные владения – замки в Чешском королевстве? Я полагаю, что нет. Согласно тексту документа, пожалование состоялось «в силу настоящей грамоты, законным образом и полновластием римской (но не чешской! – Н.Н.) королевской власти» [Ibid. Fol. 91r].

Если Карл IV при заключении своих союзов с Веттинами подчёркивал свой статус как богемского курфюрста, то Сигизмунд вёл себя явно иначе. Естественно, он и в данном случае титуловал себя королём Чехии (пусть и не был пока коронован), но постарался избежать того, чтобы можно было подумать, будто бы он наделил Веттинов как чешский король. Поэтому если он и выразил им своё согласие, то не в письменной форме. Однако чехи заметили его сближение с мейсенскими маркграфами, о чём свидетельствует письмо пражских гуситов к Фридриху, «их любезному попечителю», на деле же – заклятому врагу: «...если бы ваша милость узнала, что этот самый король не раз клялся нас погубить, а теперь стал вашим другом, то берегитесь: если бы он не нуждался в вас против нас, то никогда бы не стал им» [17. Fol. 212v]. Это письмо не датировано; тем не менее можно с уверенностью предположить, что оно относится именно к июлю 1420 г., так как в тогдашней переписке между городскими советами Нюрнберга и Ульма упоминается «копия некоего письма, которое – как говорят – написали маркграфам мейсенским пражане» [8. S. 57]. На «дружбу» (ср.-в.-нем. *fruntschaft*), иначе говоря, неоформленный частный союз между королём и отдельным вассалом Империи, указывают и некоторые формулы рассматривае-

мого пожалования, подчёркивающие «значительную службу и исключительную верность, которую они (маркграфы. – Н.Н.) прежде с готовностью проявляли по отношению к нам и нашим предшественникам, ныне проявляют и в будущем могут и должны проявить» [16. Fol. 90v–91r]. Под «нынешней» службой в этой привилегии от 19 июля 1420 г. определённо подразумевалось деятельное участие маркграфов в чешской кампании, в частности в битве на Виткове, состоявшейся за четыре дня до этого.

Не только мятежники-гуситы, но и их посредники – верные католические паны – с крайним неудовольствием наблюдали сближение своего короля с Веттинами. Напряжённость отношений в окружении Сигизмунда наглядно демонстрирует эпизод, описанный его слугой Эберхардом Виндеке: «Заметьте, в войске пронёсся слух, что некий богемец сказал королю: коли тот желает завладеть Прагой, пусть только разрешит напасть на маркграфа мейсенского, и тогда гуситы станут ему покорны». На это король ответил: «Не дай Бог! Уж лучше мы умрём» [15. S. 132]. Сигизмунд не допустил кровопролития. Но в остальном он вёл себя недостаточно решительно, так как стремился сохранить диалог с чешскими панами, которым не вполне доверял. По сообщению Виндеке, чехи обращались к королю с «лукавыми речами»: «Не захватывай город; так богемская корона никогда не будет в безопасности от немцев. Распусти войско, государь; мы, богемские господа, в течение месяца передадим Прагу в твою власть». Король вполне справедливо сомневался в искренности чехов: «Как я могу поверить этому? Если я распущу войско, тогда вы не станете меня держаться» [Ibid. S. 111]. Видно, что Сигизмунд рассматривал войско имперских князей, в том числе маркграфов мейсенских, как инструмент политического давления на чешскую элиту, та же видела в иностранцах угрозу собственным властным притязаниям.

То, что король оказался склонен к переговорам с гуситами при посредничестве католических панов и без совета имперских князей, столь возмутило последних, что они оставили лагерь короля и убралась восвояси. В том числе и Фридрих, который на обратной дороге разграбил многие владения [18. S. 367]. Пусть тогда Сигизмунд больше следовал советам его недругов – чешских панов, но он всё же отметил храбрость мейсенского маркграфа в борьбе с еретиками и подтвердил его права владения, которые в средневековом обществе, по выражению М.А. Бойцова, «имели обыкновение выветриваться» [19. С. 111].

«**Денная и конная война**». Оставленный князьями Сигизмунд обнаружил, что его чешские союзники не выполнили обещанное, а осаждённые пражане перешли в наступление; в итоге ему пришлось спасаться бегством. Это поражение можно приписать не только недооценке им политической ситуации, но и отсутствию в Империи относительно развитых механизмов управления, в частности постоянной армии. Оказалось,

что 30-тысячное рыцарское войско не способно раздавить 9 тысяч, большую часть которых (5 000) составляли крестьяне [20. S. 119–123]! В этой ситуации Сигизмунд перешёл к иному способу ведения боевых действий: от кратковременных вторжений и осад к «войне денной и конной» (ср.-в.-нем. *teglichen und reyssigen kryge*) [15. S. 146], главной силой которой стал Фридрих Мейсенский, непосредственный сосед гуситов. Отметив его помощь при осаде Праги, король постановил компенсировать его текущие и будущие расходы в размере 30 000 рейнских гульденов «за службу <...> в течение шести месяцев <...> вместе с 500 воинами и таким же количеством лошадей» [16. Fol. 103r].

В качестве залога указаны подати от христиан и евреев, полагавшиеся королю. Хотя маркграф мейсенский, как и любой другой член Империи, был обязан предоставить королю по его повелению «помощь, совет и содействие», но в данном случае речь идёт уже не о ленной, а об иной форме службы, напоминающей кондотьерство. Это становится ясно, если сопоставить документ с вышеупомянутым письмом к маркграфу Вильгельму, брату Фридриха (май 1420 г.): «Мы **требуем** (выделено мной. – Н.Н.) от тебя с крайней настойчивостью и рвением, чтобы ты как можно скорее помог нам со своим войском против упомянутых виклефистов» [12. Fol. 206rv].

В качестве юридической силы данной, более ранней грамоты выступают повеление короля и обязательства его вассала; в то же время более поздний документ, в котором Сигизмунд «**пообещал и поклялся заплатить**» обозначенную сумму, представляет собой скорее договор двух равных сторон, условия которого (в том числе и возможные последствия от их несоблюдения) чётко прописаны. В 1422 г. в качестве платы за 1,5 года службы (90 000 гульденов) Фридрих получил не деньги, но замки Штольберг, Шёнек, Милау, Гаттендорф и Шпарнберг, находившиеся на границе между Мейсенской маркой и Чешским королевством [8. S. 121–125]. Этот пример позволяет предположить, что основным двигателем возникновения в Империи новых механизмов власти и управления, в данном случае некоего прототипа наёмной армии, была неспособность правителя побороть внешний вызов привычными средствами. Этот процесс шёл медленно, с почти незаметным результатом преодолевая инерцию поведения политической элиты. В то же время естественной предпосылкой этого нового для Империи типа службы были личные связи, пронизывающие средневековое общество как таковое.

Заключение. Отношения Сигизмунда с Фридрихом IV Веттином в 1420–1422-х гг. становились тем теснее, чем чётче король сознавал необходимость поиска новых средств для борьбы с гуситами. В качестве рубежа можно рассматривать период от краха первого похода против гуситов до конца 1420 г., когда Фридрих IV и его люди поступили к королю на «денную и конную службу». Препятствием к сближению короля и князя было панство, претендовавшее на то, чтобы пра-

витель жаловал имущества чешской короны исключительно чехам. Гуситские войны поставили королевскую власть в такую ситуацию, когда ей пришлось любой ценой модернизировать военный строй Империи, пусть эти изменения и не были коренными. Одним из нововведений было привлечение маркграфа Фридриха, имперского вассала, к длительной военной службе в

конце 1420–1422 гг. на наёмных началах. Содержание «князя-кондотьера» и его отряда потребовало от короля значительных затрат, которые могло покрыть лишь заложение королевского имущества в Империи, что в конечном счёте способствовало процессу территориального оформления княжеской власти и узурпации ею королевских прав и имущества на местах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор хотел бы выразить признательность др. Петру Элбелу (Университет им. Т. Масарика, Брно) за возможность в ходе стажировки ознакомиться с электронными копиями регистра королевских грамот времён Сигизмунда, хранящегося в Австрийском государственном архиве (HHStA).

ЛИТЕРАТУРА

- Holtzmann R. Der Breslauer Reichstag von 1420 // *Schlesische Geschichtsblätter*. 1920. № 1. S. 1–9.
- Nowak Z.H. Międzynarodowe procesy polubowne jako narzędzie polityki Zygmunta Luksemburskiego w północnej i środkowowschodniej Europie (1412–24). Toruń, 1981. S. 97–123.
- Hoensch J.K. König / Kaiser Sigismund, der deutsche Orden und Polen-Litauen: Stationen einer problembeladenen Beziehung // *Zeitschrift für Ostforschung*. Jg. 46. 1997. S. 1–44.
- Wefers S. Das politische System Kaiser Sigmunds. Stuttgart, 1989.
- Ahrens H. Die Wettiner und Kaiser Karl IV. Ein Beitrag zur Geschichte der Wettinischen Politik in den Jahren 1364 bis 1379. Leipzig, 1895.
- Broesigke I. von. Friedrich der Streitbare, Markgraf von Meißen und Kurfürst von Sachsen. Düsseldorf, 1938.
- Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund. Abt. 1. 1410–1420 / Hrsg. von D. Kerler. München, 1877.
- Codex diplomaticus Saxoniae Regiae. Abt. B. Bd. 4. Urkunden der Markgrafen von Meißen und Landgrafen von Thüringen in den Jahren 1419–1428 / Bearb. von H. Ermisch und B. Reissig. Leipzig, 1941.
- Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské / Vydal Fr. Palacký. D. 3. Praha, 1844.
- Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an / Hrsg. von F. Palacký. Bd. 1. Prag, 1873.
- Novotný R. Sociální, institucionální a konfesionální aspekty vývoje české šlechty v pozdním středověku. Praha, 2008.
- Лейпциг. Университетская библиотека. Universitätsbibliothek Leipzig (UL). Ms. 1091. Diplomatische Sammelhandschrift (lat. und dt.).
- Caro J. Liber cancellariae Stanislai Ciolek. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der hussitischen Bewegung // *Archiv für österreichische Geschichte*. Bd. 52. 1875. S. 1–274.
- Kronika Bartoška z Drahonice // *Fontes rerum bohemicarum* / Vydal J. Goll. Vol. 5. S. 589–628.
- Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. W. Altmann. Berlin, 1893.
- Вена. Австрийский государственный архив. Hof-, Haus- und Staatsarchiv Wien (HHStA). Reichsregister Sigismund. Bd. G.
- Лейпциг. Университетская библиотека. Universitätsbibliothek Leipzig (UL). Ms. 766. Diplomatische Sammelhandschrift (lat. und dt.).
- Regensburg, Andreas von. Sämtliche Werke. München, 1903.
- Бойцов М.А. Германский император XIV века: инструменты реализации власти (к постановке проблемы) // *Власть и политическая культура в средневековой Европе*. М., 1992. С. 106–114.
- Čornej P. Bitva na Vítkově a zhroutení Zikmundovy křížové výpravy v létě 1420 // *Husitský Tábor*. Sv. 9. 1986–1987. S. 101–152.

Naumov Nikolay N. Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: nn-naumov@mail.ru

SIGISMUND OF LUXEMBURG AND THE ARISTOCRACY OF THE HOLY ROMAN EMPIRE ON THE FIRST STAGE OF THE HUSSITE WARS: FREDERICK IV OF WETTIN, MARGRAVE OF MEIßEN.

Keywords: Sigismund of Luxemburg; Holy Roman Empire; Hussite wars; royal and principal authority; feudal and mercenary service. The paper aims to study the interaction within the political elite of the Holy Roman Empire on the first stage of Hussite wars (1420–1422) as a factor of institutional development of Late Medieval German lands. The special attention is paid to the communication between King Sigismund (1368–1437) and Frederick IV of Wettin, margrave of Meißen, the German noble, who took the most active part in the conflict. Thereas, the main task was to reveal and explain the chronological milestones marking their relationship, while analyzing the royal and principal charters including unpublished archivalia from Wien and Leipzig. The first milestone was the Imperial Diet held in January 1420 in Vratislav. Margrave Frederick offered his military help to King Sigismund in exchange of recognition of some illegal achievements made previously in Bohemia by his family during the reign of Sigismund's brother Wenzel. However, the king denied this offer, not at least because of the pressure from his Bohemian counsellors. As Bohemian landlords, they did not want to see their political positions harmed and the Bohemian royal fiefs being granted to the foreigners. The second milestone was the failed military campaign against the Hussites (summer 1420). While the Bohemian loyalists left their lord in trouble, the margrave shew his bravery and found the king's favour. Seeing that the traditional tactics of sieges and temporary interventions did not work, Sigismund offered a military contract to Frederick, who was to fight against the Hussites with 500 knights for a term of 6 months in exchange of 30 000 Rhenish guilder. While every single Imperial noble was obliged to provide his lord with "help, advise and support" due to his own feudal oath, Frederick was serving for hire. The final conclusion drawn by the author is that such a "daily and mounted service" was a new phenomenon in the military history of the Holy Roman Empire that had not confronted any external challenge like the Hussite wars before; nevertheless, no far-going modernization of Empire's military system took place, one would rather speak about the principles of mercenary service emerged and applied for a short time. It was very costly for the royal authority to continue paying the hire and to establish a regular army. Thus, Frederick has been serving as a "mercenary prince" for 2 years. Finally, the king was unable to pay the additional costs with gold, so he recompensed the margrave for 18 months' service with several castles belonged to the Bohemian crown. Therefore, it has been the Hussite conflict that has helped the principal authority of Wettin family to expand and territorialize its domain at the cost of royal properties and regalia.

REFERENCES

1. Holtzmann, R. (1920) Der Breslauer Reichstag von 1420 [The Breslau Reichstag of 1420]. *Schlesische Geschichtsblätter*. 1. pp. 1–9.
2. Nowak, Z.H. (1981) *Międzynarodowe procesy polubowne jako narzędzie polityki Zygmunta Luksemburskiego w północnej i środkowowschodniej Europie (1412–24)* [International amicable processes as a tool of Sigismund the Luxembourg's policy in northern and central-eastern Europe (1412–24)]. Toruń. pp. 97–123.
3. Hoensch, J.K. (1997) König / Kaiser Sigismund, der deutsche Orden und Polen-Litauen: Stationen einer problembeladenen Beziehung [King / Emperor Sigismund, the German Order and Poland-Lithuania: Stations of a problematic relationship]. *Zeitschrift für Ostforschung*. 46. pp. 1–44.
4. Wefers, S. (1989) *Das politische System Kaiser Sigmunds* [The Political System of Emperor Sigmund]. Stuttgart: Steiner Franz Verlag.
5. Ahrens, H. (1895) *Die Wettiner und Kaiser Karl IV. Ein Beitrag zur Geschichte der Wettinischen Politik in den Jahren 1364 bis 1379* [The Wettinians and Emperor Charles IV. A contribution to the history of Wettin's policy in 1364 to 1379]. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.
6. Broesigke, I. von. (1938) *Friedrich der Streitbare, Markgraf von Meißen und Kurfürst von Sachsen* [Frederick the Forlorn, Margrave of Meissen, and Elector of Saxony]. Düsseldorf: Nolte.
7. Kerler, D. (1877) *Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund* [German Reichstag acts under Emperor Sigmund]. Part 1. 1410–1420. Munich: Oldenbourg.
8. Ermisch, H. & Reissig, B. (1941) *Codex diplomaticus Saxoniae Regiae*. Vol. 4. Leipzig: Nabu Press.
9. Palacký, Fr. (1844) *Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské* [The Czech Archive, or Old Czech and Moravian Monuments]. Prague: Královská česká společnost nauk.
10. Palacký, F. (1873) *Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an* [Documentary contributions to the history of the Hussite war from 1419]. Vol. 1. Prague: Biblio-Verlag.
11. Novotný, R. (2008) *Sociální, institucionální a konfesionální aspekty vývoje české šlechty v pozdním středověku* [Social, institutional and confessional aspects of the development of Czech nobility in the late Middle Ages]. Prague.
12. Leipzig University Library. (n.d.) Ms. 1091. *Diplomatic collection*. (In German).
13. Caro, J. (1875) *Liber cancellariae Stanislai Ciolek*. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der hussitischen Bewegung [Liber cancellariae Stanislai Ciolek. A formula book of the Polish royal chancery from the time of the Hussite movement]. *Archiv für österreichische Geschichte*. 52. pp. 1–274.
14. Vydal, J. (n.d.) *Collection*. Vol. 5. pp. 589–628.
15. Windecke, E. (1893) *Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds* [Memorabilia on the History of the Emperor Sigmund's Age]. Berlin: Gaertner.
16. The Austrian State Archive. (n.d.). *Hof-, Haus- und Staatsarchiv Wien (HHStA). Reichsregister Sigismund. Bd. G*. [Court, House and State Archives Vienna (HHStA). Register of Sigismund. Vol. G].
17. Leipzig University Library. (n.d.) Ms. 766. *Diplomatic collection*. (In German).
18. Regensburg, A. von. (1903) *Sämtliche Werke* [Collected Works]. Munich: [s.n.].
19. Boytsov, M.A. (1992) *Germanskiy imperator XIV veka: instrumenty realizatsii vlasti (k postanovke problemy)* [The German Emperor of the Fourteenth Century: Instruments for Implementing Power]. Gutnova, E.V. (ed.) *Vlast' i politicheskaya kul'tura v srednevekovoy Evrope* [Power and Political Culture in Medieval Europe]. Moscow: RAS. pp. 106–114.
20. Čornej, P. (1986–1987) *Bitva na Vítkově a zhroutení Zikmundovy křížové výpravy v létě 1420* [The Battle of Vitkov and the collapse of Sigmund's Crusade in the summer of 1420]. *Husitský Tábor*. 9. pp. 101–152.